

— Мам, да все будет хорошо, что ты! — мягко положив руки на плечи уже немолодой женщины, высокий и крепкий парнишка прижал ее к себе. Нет, скорее, прижался сам, невольно задев головной платок, от чего тот соскользнул с головы женщины и мягко опустился на землю. Сколько сейчас таких парнишек и женщин? Сотни тысяч по всей стране, как бы не больше. И каждый говорит одни и те же слова. «Все будет хорошо». А сам думает о другом... Мысли только одни:

«Больно ли будет, когда в тебя стреляют?»

«Погибну или вернусь?»

«Не опозорюсь ли я?»

Сцена на железнодорожной станции маленького провинциального города выглядела со стороны уже привычно. Не первый день так происходит. Да, не первый, десятый, если точнее. Этот молодой парнишка, которому только два месяца как восемнадцать исполнилось, был я. Женщина, что, плача, прижимала его, то есть меня к груди, моя мама. А провожала она меня на войну. Вокруг стояли, сидели сотни таких же матерей и сыновей. Простые люди, рабочие,

колхозники, все как один сейчас тут, да и по всей стране сейчас все одинаково.

Это было первое июля тысяча девятьсот сорок первого года. Десять дней назад началась война. Фашисты напали на нашу Родину, и долг каждого мужчины — отправиться на эту войну. Только в фильмах в будущем показывали такие кадры, где парнишки весело, с задором прощаются с родными и едут на фронт. На деле же никто туда не хочет. Чего уж врать самому себе? Ну, кто-то, конечно, храбрится, улыбается, но что у них в душе? Все хотят быть героями, но умирать никто, а войны без этого не бывает. Ведь и я сейчас стараюсь просто не думать о том, как будет *там*. А будет страх, голод, холод, жара, смерть...

Откуда я взял знания о фильмах будущего? Так я не местный. Точнее, не совсем местный. Из будущего я. Живу в этом времени уже год. Работал в колхозе, механиком, ну ежели у меня знания такие, куда деваться? Зовут меня Ванькой, фамилие мое, как у поэта, Некрасов. Сюда попал... Даже и не знаю как. На работе был, что-то случилось, ураган был. Где-то что-то замкнуло, упало, и очнулся я в сарае в этом времени. Очнулся от того, что мне очень больно и тяжело в груди. Рядом суетятся два мужика, пытаюсь поднять какую-то приبلуду от трактора. Завалило меня. Мне тогда семнадцать было, но здоровья хоть отбавляй. Придя в себя полностью, я поднатужился, и втроём мы смогли поднять эту железяку, что лежала на мне.

— Ванька, живой? — кинулся ко мне один из мужиков, что спасал меня.

Ощупав сам себя и тряхнув головой, робко ответил:

— Да вроде.

— Как он упал на тебя? Ведь стоял же нормально? — не унимался мужик. Кстати, впоследствии он оказался моим отцом.

— Я не знаю, — пожал я плечами и медленно поднялся. Отец стоял рядом и смотрел обалдевшими глазами.

— Видал, Петрович, ни царапины! — батя реально был в шоке более глубококом, чем я.

— А то ж! — смачно ругнулся названный Петрович, это был второй помогавший мужик, и добавил: — Сам же такого богатыря вырастил!

А я вдруг только заметил, что оба мужика мне буквально по плечо, а еще то, что рука бати, лежавшая у меня на плече, какая-то маленькая. Скосив глаза вниз, затем в стороны, пытаюсь осмотреть себя, я чуть не охнул. Ни хрена себе *рама!* В прошлой жизни я был среднего роста и такой же комплекции, а тут... Позже в военкомате я узнал свой рост и вес, пока же мог только предполагать. Как оказалось, тело мне досталось знатное, аж гордиться можно. Метр восемьдесят восемь вроде не самый внушительный рост, но ширина плеч... Да уж, если б были развиты мускулы, в смысле прокачаны, думаю, мог бы через несколько лет догнать Шварценеггера. Шучу, конечно, но фигура была очень впечатляющая. Про таких говорят — поперек себя шире.

— Это он от деда унаследовал, во мне-то столько роста нет, — пояснил батя. — Он и внешне-то вылитый мой батя. Вот уж был здоров как бык, вот и Ванька такой же. Отец на миноносце снаряды огромные в одну харю таскал, этот вон плуг поднял чуть не в одиночку. Коня нашего, Ваську, когда тот колено сломал в прошлом году, кто поднимал? Он.

— Да уж, знатного хлопца ты вырастил, Василий.

Вот так я появился в этом мире. Когда узнал, где я и в каком времени, обалдел. Год до войны, что делать, что делать? Я, то есть бывший обладатель моего нового тела, только закончил школу. Хотел учиться дальше, да отец настоял на моей работе. Пришлось согласиться. Мама позже спрашивала, не раздумал ли я в армию идти? Я удивился тогда, как это можно раздумать. Оказалось, я по секрету матери сообщил, что после срочной службы останусь в армии, хочу служить. Пока же помогал отцу, работал как все. У меня здешнего здорово получалось возиться с железками, чинил все подряд, прям как я в своем времени, вот и продолжил это занятие. Как-то быстро обо мне заговорили как о местном Левше. Реальность-то была такова, что уровень развития местной техники сейчас едва ли не в зачаточном состоянии. Все такое примитивное, аж жуть берет. Надо ли объяснять, что у меня получалось буквально все.

Так, работая, я начал потихоньку писать то, что помнил об истории Великой Отечествен-

ной. Труднее всего было с конвертами, деньги все шли в семью, трудно было выкроить что-то для себя, но удавалось. Была мысль тайно отправлять бумаги в Кремль. Получат, не получают, дело десятое, но сам идти к ним не хотел. В той жизни много читал, много размышлял. То, что, придя к сильным мира сего, я больше оттуда не выйду, я понял быстро, поэтому и не шел. Не жаль тысяч жизней таких же парней? Очень жалко, но, думаю, я так больше пользы принесу. Не могу я ничего делать из-под палки, характер не тот. Да и не верю я, что кто-то воспримет меня всерьез.

Попутно с большим объемом работы я выкраивал время на свое развитие. В городе была хорошая библиотека, я туда записался и каждую неделю набирал кучу книг.

Не давал я отдыха и своему телу. Ведь знаю, как пригодится мне сила и ловкость. До МТС, где работал с отцом, было несколько километров от дома, с утра и вечером я преодолевал это расстояние исключительно бегом. Во время работы никогда не просил чьей-либо помощи, всегда все делал сам, да еще и другим помогал. Говорю, силушкой-то бог не обидел. Смастерил себе турник, примитивную штангу и скамью, качал мышцы, растяжку делал, грушу, ну, мешок с песком бил нещадно. Тело обретало черты спортсмена, уходила из меня та угловатость и мешкообразность, что была ранее. Походка, все движения стали четкими, плавными, а не шаляй-валяй.

В семье я был последышем, у меня трое братьев и две сестры, все обычные люди, один я — переросток, как говорила одна из сестер, Верочка, ехидина такая, ужас! Зато как покрутить ее на руках, так первая. Беру их с сестрой Ниной на руки, сажаю на плечи и кручусь вокруг себя, для них как карусель. А вот с братьями мне не повезло. То ли они мне завидовали, то ли я прошлый им чего-то сделал плохого, но любви или еще каких-то родственных чувств они не проявляли. Всегда какие-то мрачные, даже озлобленные, они все работали на заводе в городе. Сестрички также уже трудились всюду, одна на почте, вторая в больнице. Мама меня очень любила, постоянно норовила приласкать и сказать что-то теплое, но без лишнего фанатизма, а это мне нравилось. Я мгновенно полюбил ее как будто мою настоящую маму, может, еще сказало то, что в той жизни я потерял маму рано, подростком, вот и хотелось почувствовать, что это такое — любовь матери. Было очень... хорошо, в общем, приятно, когда есть кто-то, кто тебя любит больше жизни. А мама любила именно так.

Из всей нашей огромной семьи на фронт не ушли только я, отец, так как инвалид, у него позвоночник был поломан, да один из братьев, Толик, у него также проблемы со здоровьем. Сестры, конечно, не в счет, хотя Верка, работающая медсестрой, вроде как намылилась на фронт. Остальные братья уже отбыли. Самым первым ушел Семен. Еще двадцать третьего

числа явился в военкомат и через два дня уехал. За ним, с разницей в день, отбыл Василий, теперь и я.

Появившись в военкомате, произвел неизгладимое впечатление на служащих. Просился в танковые войска, но обломали, сказав, что, куда попаду, они не знают.

Сегодня я, как и многие тут, прощался с родными на станции, отец вытирал скупую слезу в нескольких метрах от меня, а мама висела на шее. Как же жаль ее, да и бату, конечно, да что поделывать. Лично они-то как раз выживут, Ярославская область в войне почти не пострадает, там будет несколько бомбардировок, огромных разрушений они не принесут, так что я был спокоен на этот счет. Но все же расставаться было тяжело.

Везли нас, а был целый эшелон, примерно человек пятьсот, может, и больше, куда-то на север. С нашего городка только два пути в западном направлении: или на юг в Москву, или на север в Ленинград. Значит, в Ленинград. Лежа на нарах в теплушке, просматривал те из записей, что не отправлял в Москву. Да-да, я много чего отправил. Идея, что глодала меня каждый день как технаря, это танки, самоходы, орудия. Я мечтал создать что-то такое, от чего фрицы, увидев, а точнее, прочувствовав на себе, обделались бы. А главное, конечно, не мечты, а знания, полученные еще в той жизни. В общем и целом было все равно, но жить хотелось, как-то, знаете ли, перспектив в этом времени гораздо больше.

Да и просто жить интереснее, ведь здесь все сам, никаких компьютеров и смартфонов с интернетом, где так любит висеть молодежь двадцать первого века. Ведь дожили там до такого, что дважды два считают на калькуляторе, может, и переборщил, но почти так и есть. Здесь же, чтобы что-то сделать, нужно десять раз подумать. Собрался куда-то сходить — обдумай, чтобы не пришлось идти во второй раз. Поэтому люди этого поколения и были такими умными, что уже через несколько лет, несмотря на то что пройдут через такую войну, в космос полетят.

На сборный пункт в Бологое мы прибыли поздно ночью. Выгрузились, здесь уже всю начали осознавать все «прелести» армейской жизни. Нас очень грубо отчитали за то, что сразу не понимаем, чего от нас хотят. Ну а как иначе? Ведь среди молодежи и сейчас попадаются откровенные раздолбаи. А кто-то просто без образования, поэтому ведет себя как телок. Чуть позже нас всех пересчитали и повели в казармы, что располагались на выезде из города. Около четырех утра, уже светло было, нас, наконец, разместили на ночлег и приказали спать. Грубо сколоченные нары были вместо кроватей, ладно хоть доски тесаные, больше-то ничего. Положив сидор, что собрала мама, под голову, лег и стал размышлять. Продлилось это недолго, сон свое взял, и я вырубился. Кажется, что только глаза закрыл, а уже орут подъем. Вставали все очень тяжело, сказывались и усталость, и просто неподготовленность к такой жизни. Будившие

были солдатами с красными петлицами, орали и матом, и просто громко, весьма доходчиво. Новобранцы, будущие воины и защитники страны, бегали в одних трусах и майках, спотыкались, падали, за что получали новые ругательства вслед. Народа было много, как курей в курятнике, дважды споткнулся и я. Ох кому-то не повезло... У меня масса центнер, мало не покажется.

— Эй ты, слон! — послышался окрик рядом со мной, со спины. Обведя глазами других новобранцев, отметил про себя, что все уставились на меня. Повернулся. — Чего, не понятно, что тебя зовут? — один из прибывших по наши души красноармейцев выплевывал слова мне в лицо.

— А вам было бы понятно, назови я вас Моськой? — чего брякнул, я и сам не понял, просто сразу как-то ассоциация прошла с известными персонажами басни.

— Что? Каким таким Моськом? — Ой да, откуда тут басни кому знать? — Два наряда вне очереди! Пошел на выход, бегом!

— Не имеете права, я гражданский... — начал я и получил в ухо. Блин, пощечина какая-то. — Легче стало? Пар вышел? Тогда командуйте как следует, тогда и порядок будет.

Пощечина прилетела бы еще, да и не одна, не появившись в этот момент командир. Я так решил по его виду. Впрочем, не ошибся.

— Ну что, бойцы, готовы Родину защищать? — громогласно рявкнул командир. Вот

это правильный клич, а то эти приперлись и орут, как вертухаи на зоне. Понтов много, толку ноль.

— Готовы, товарищ командир, — прокричала нестройно добрая сотня глоток. Да, среди нас есть и такие, кто всерьез мечтает скорее попасть на фронт. Нет, я не трус, но научить будущих солдат стрелять и вообще воевать нужно? Ведь никто, включая и мое новое тело, в руках винтовку не держал никогда, что уж о большем говорить.

— Слушайте сюда, товарищи новобранцы. Сейчас на улице состоится построение вашего батальона. Затем каждый пройдет медкомиссию и собеседование. Анкеты, у кого есть, тоже принимаются, но все же военная комиссия будет разговаривать с каждым. Так как вас много, то, возможно, не всех примут сегодня. Придется потерпеть и несколько дней пожить в казарме. Распределять будут только после полного осмотра. Прошу приготовить документы, у кого есть, дипломы и грамоты. Все это поможет нам правильно определить для вас место службы...

Не знал, что так было. Интересно. Думал, на винтовку, топай и умри за Родину. А тут вон как. Даже порадовался за нас.

Надо ли говорить, что определили меня именно туда, куда я даже и не думал. Зато на этом месте меня видела наша Красная Армия, точнее, ее представители, и партия Ленина — Сталина. Не угадали, не в пехоту. Записали меня в артиллеристы. Как думаете, кем? Имен-

но, подносчик снарядов к гаубицам. Один из комиссии на осмотре даже пошутил:

— Ух, вот это воин. Да он же один сможет снаряды таскать, даже лошади не нужны!

Я только вздыхал и молчал, кто тут будет меня слушать? Да, рассказал о своей увлеченности техникой, но вот бумаги у меня только об окончании школы, так что подтвердить свои знания нечем. Да и не собирались тут чего-то подтверждать.

Остальных почти всех забрили в пехоту. Несколько человек были недоучившимися студентами, тех завернули, поедут доучиваться. Строго тут. Так что хоть и громко называлась эта комиссия, да итог один. Махра в основном.

Через два дня, то есть уже пятого июля, я и еще несколько парней ехали в вагон-теплушке на север. В Ленинград. В этот раз места было гораздо больше, на весь вагон нас и было-то двадцать человек, против недавних пяти десятков. Доехали хорошо, с песнями и веселыми разговорами. На меня сначала смотрели настороженно, я-то привык, на меня все так смотрят, думая, что я какой-нибудь задира и драчун, но вскоре все уже смеялись над моими шуточками. А драться я тоже могу, с такой-то массой, да и технику я подтянул за год жизни тут, удар у меня такой, что кирпичи для меня как орехи. Вот ни грамма не преувеличил, разве что кожу с косточек содрать можно.

Ленинград встретил нас хорошей погодой и почти полным отсутствием страха в глазах